

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
СЕВЕРНЫЙ (г. Петрозаводск) ФИЛИАЛ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА
СЕВЕРНОГО (г. Петрозаводск) ФИЛИАЛА
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

В.М. Пивовев,

заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин
доктор философских наук

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА

По мнению В.С. Нерсесянца, «философия права занимается исследованием смысла права, его сущности и понятия, его оснований и места в мире, его ценности и значимости, его роли в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества»¹. Право пытается предложить всем гражданам равную, одинаковую долю свободы в отношениях людей между собой и государством. Вот почему В.С. Нерсесянец пытается рассматривать право как «математику свободы»².

Право опирается на принцип равенства всех перед законом, что позволяет применять одинаковую меру требований к одинаково свободным и ответственным людям. В.С. Нерсесянец полагает, что «право – это нормативная форма выражения свободы посредством принципа формального равенства людей в общественных отношениях»³. Он утверждает, что «люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы»⁴. Он объясняет это ссылкой на то, что свобода без равенства приводит к элитарным привилегиям, а равенство без свободы порождает рабов, поскольку приводит к уравниловке. Отсюда он производит принцип *формального равенства*, который создает некоторые ограничения для свободы, уменьшая степень произвола. Однако если присмотреться к конкретным отношениям между людьми, то легко увидеть, что они различны и равенство является трудно достижимой вещью, формальное равенство есть лишь провозглашенное равенство правоспособности, возможность приобрести права на различные блага и объекты права. Реальные права могут существенно различаться в зависимости от многих факторов правоотношений. К этому следует добавить, что полное, абсолютное равенство, говоря с философских позиций, является энтропийным фактором, ведущим к застою, деградации и смерти.

С появлением государства и закона начинается формирование «права». Само понятие «права» возникает в процессе разложения мифологического сознания в связи с возникновением принципиальной возможности поступать «не-право», неправильно, пойти «налево». В системе мифологической культуры такое невозможно. Об этом свидетельствует обнаруженный этнографами синдром Вуду, когда человек, обнаруживший, что он невольно, непреднамеренно нарушил какой-то запрет, за который полагается кара духов, то он ложится на землю и умирает при отсутствии иных видимых и реальных причин. Он умирает от переживания безнадежности своего существования

¹ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1997. С. 7.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 25.

вследствие отступления от «правого» пути. По словам О. М. Фрейдберг, «понятия справедливости, права и правды выросли из конкретного образа «правый», лишенного (поначалу. — В. П.) какой-либо этической качественности: «правый» — это тотем-небо, «левый» — это тотем-преисподняя».⁵ Право противоположно запрету (табу), это имманентное, провозглашенное законом разрешение. Что закон запрещает — это неправое, что закон разрешает или не запрещает — это правое.

Э. Фромм подчеркивал, что «...власть может быть либо «рациональной», либо «иррациональной». Рациональная власть основана на компетентности; такая власть способствует росту человека, который на нее опирается. Иррациональная власть зиждется на силе и служит для эксплуатации того, кто ей подчиняется».⁶ В древних обществах власть существовала на основе авторитета, опирающегося на компетентность, опыт и мудрость. Стоит хотя бы на мгновение утратить эти качества, как власть может быть потеряна. «Во многих таких племенах, — писал Фромм, — не существует постоянной власти: власть устанавливается тогда, когда возникает необходимость в ней. Или же имеются различные представители власти для осуществления ее в различных сферах: ведения войн, отправления религии, решения споров».⁷

Различение власти по основанию на «рациональную» и «иррациональную» носит условный характер. Устойчивый авторитет, возникший на основе компетентности, и определенный стиль поведения — неторопливость, величавость жестов, пронзительность взгляда — создают имидж, который «излучает» власть; такому человеку не надо угрожать или приказывать, его просьбы выполняются беспрекословно. Часто в воспитании детей родители прибегают к авторитарным методам, в том числе в принуждении, потому что утратили авторитет компетентности в глазах детей, обманывали их или совершали другие поступки, приведшие к падению авторитета, который изначально имеют все родители. Ведь дети видели в них сильных, умных, добрых защитников, знающих советчиков, наставников. Почему же этот образ постепенно тускнеет?!

Верно заметил ректор католического университета в Дублине Д. Ньюмен: «...Интеллект беспомощен, потому что он неуправляем и разрушителен, если не руководствуется моральным правом и богооткровенной истиной».⁸ Академик Д. С. Лихачев сказал, что «в человеке должны сочетаться оптимизм, и пессимизм. В нас все-таки преобладают пессимистические корни. 70 лет нас воспитывали на философском учении упаднического характера. Марксизм — одно из самых пессимистических учений, где материя преобладает над духом, а значит, исхода нет. То есть в основе всего — ненависть. Личная воля не играет никакой роли. А если от человека ничего не зависит, то ему не за что бороться».⁹

⁵ Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 154.

⁶ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 66.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ Цит. по: Захаров И. В., Ляхович Е. С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994. С. 28.

⁹ Комсомольская правда. 1998. № 213

Против переоценки роли разумного начала в человеческом поведении предостерегал еще Спиноза, полагавший, что «люди скорее следуют руководству слепого желания, чем разума»¹⁰. Эти мысли поддерживал и Д. Юм, который утверждал, что «разум есть и должен быть лишь рабом аффектов»¹¹. Однако эти и им подобные замечания не могли перевесить более мощной тенденции рационалистической традиции в философии XVII—XVIII веков. Этот подход имеет свои положительные стороны, позволяя выявить однозначные детерминанты политических отношений и политических решений. И если бы в политике действовали роботы, а не люди, то результаты такого подхода были бы исключительно плодотворны. Но в политике участвуют люди с их субъективным опытом, симпатиями и антипатиями, эмоциями, интеллект и обаянием — все это часто оказывает решающее влияние на политические и правовые отношения. Вот почему *поиски иррациональных оснований права* — чрезвычайно важная задача в философии права.

В основе рационалистической методологии лежит убеждение в том, что любые сложные явления можно познать, расчленив их на простые, элементарные и изучив их по частям, соответственно принципу редукционизма. Эта методология сложилась в рамках естественных наук, где объект изучения легко вырвать из земли, принести в лабораторию, разрезать на части и изучать под микроскопом. В рационалистической методологии доминирует анализ, а вот с синтезом куда сложнее. Естествоиспытателей XVII—XVIII века ничуть не смущало, что разрезанную на части лягушку нельзя оживить никакой «живой водой».

В существование рационалистической методологии стремление обнаружить однозначную, одномерную связь причин и следствий, свести дело к одной причине, одному фактору, одному звену, ухватившись за которое, можно вытащить всю цепь. Рационалисты в политической науке стремятся к аналитическому расчленению и упрощительному редукционизму, предельной примитивизации социальных и политических отношений. Они представляют людей как «факторы», рычаги, винтики, послушные «твердой руке». Однако, как хорошо показал в книге «Лягушья самонадеянность» Нобелевский лауреат в области экономики Фридрих Август фон Хайек, рационалистическая методология заводит общество в тупик, если применяется для планирования и организации экономической, социальной и политической жизни общества. В замечательной книге «Нищета историцизма» английский философ Карл Поппер дает блестящую отповедь попыткам однозначного прогнозирования и планирования будущего на основе анализа закономерностей прошлого, ибо между прошлым и будущим лежит пространство свободы.

Причины страха перед иррациональным мне уже приходилось перечислять: во-первых, это физиологические причины, а именно: по нервным каналам человеческого организма одновременно может проходить лишь один сигнал, два противоположных по значению сигнала проходить не могут, они

¹⁰ Спиноза Б. Избранные проза.: В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 291.

¹¹ Юм Д. Соч.: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 556.

будут менять друг другу; во-вторых, нельзя недооценивать безусловные рефлексы и априорный опыт, полученный нами от наших предков, а также наш личный опыт практической деятельности, требующий выяснения «линейных» причин и следствий и причающий к однозначности выбора в ситуациях опасности – или гибель, или – спасение, что связано также со зрительной доминантой в европейской культуре, и потребностями практики, которая требовала от науки и философии однозначных ответов на поставленные вопросы; в-третьих, в европейских языках под влиянием античной традиции (выраженной на латинском языке, которой пользовались в качестве языка науки: *ratio* = «разум», «рациональность») сложилось отождествление понятий «разум» и «рациональность»; в-четвертых, естественнонаучное познание сформировало критерии научности и среди них важнейший – рациональная однозначность как условие истинности и эффективности; в-пятых, существует стереотип отождествления понятий «рациональность» и «целесообразность» (объективность; истинность, разумность; проверяемую достоверность), и если согласиться с таким отождествлением, то оказывается, что искусство и религия не могут дать ничего целесообразного, в их деятельности отсутствует целенаправленность, вся сфера искусства, художественного творчества оказывается «неразумной» или «внезаумной», и такой интеллектуальный метод как интуиция оказывается также лишенным права достигать каких-то целей (на самом деле, иррациональное также может быть вполне целесообразным, истинным, разумным и объективным, хотя проверяемость на практике не всегда достижима); в-шестых, в сознании европейской интеллигенции существует сложившийся стереотип негативного отношения к иррациональности, поскольку фашистские идеологи активно использовали эти методы, чем дискредитировали их.

Методология рационализма органична и плодотворна для естественных и технических наук, хотя и с необходимыми оговорками и пояснениями. Когда же она применяется наивными политиками в социально-политической и правовой сфере, то вступает в игру «ирония истории», которая приводит человека к противоположным результатам, что и произошло с социалистами в России. «Шел в комнату, попал в другую», – иронизировал Ленин над своими оппонентами, самоуверенно полагая, что уж он-то попадет в нужную ему «комнату», а попал в мавзолей, где выставлен на всеобщее обозрение, в России в прежние времена говорили – «на позорище». Ирония истории «не любит» рационалистов и играет с ними свои недобрые игры.

Пример иррациональной ситуации можно привести из античной истории. Рассказывают, что у знаменитого древнегреческого софиста Протагора (V в. до н.э.) был ученик Еватл, который обучался праву и искусству выступлений в суде. По договору между ними Еватл должен был уплатить за обучение с первого выигранного им процесса. Окончив обучение, Еватл не стал участвовать в судебных заседаниях. Учитель ждал, но когда терпение его истощило, он подал на ученика в суд. При этом он рассуждал, что если Еватл выиграет процесс, то обязан будет уплатить согласно заключенному между

ними договору. Если же проиграет, то заплатит по решению суда. Однако сообразительный ученик пришел к учителю и объяснил, что в случае его (ученика) выигрыша на процессе, суд освободит его от платы, в случае проигрыша – он не будет платить, ибо таков был договор его с учителем. Таким образом, очевидно, что этот конфликт рациональным путем не разрешим.

Наиболее распространенной формой рационального, по мнению русского правоведа и социолога Б. А. Кистяковского, является понятие. Поскольку право состоит из объективных и рациональных норм, оно также является рациональным. В то же время право в своем реальном жизненном виде является субъективным, иррациональным правом. Пребывая в сознании юриста, правовые нормы «оказываются связанными главным образом не с интеллектом, а с волей», отсюда понятно, что «сущность этих волевых движений, порождаемых правовыми нормами в сознании, безусловно иррациональна. Она коренится в темных подсознательных глубинах нашей души»¹². Кроме того, иррациональность права связана с тем, что оно имеет дело с конкретными, единичными фактами. Об этом же писал С. А. Муромцев: «Существенная задача судьи состоит в индивидуализировании права. Если закон выражается общими правилами, то дело судьи в каждом случае придать такому общему правилу свой особый смысл, сообразный с условиями случая»¹³.

Проблему рационального и иррационального в праве Кистяковский предлагал рассматривать в 1) логическом (понятие и воля); 2) техническом (целесообразное и нецелесообразное) 3) этическом (доброе и злое); 4) философско-историческом (осмысленное и бессмысленное) планах¹⁴.

Правовые феномены относятся к числу таких, где наиболее остро сталкиваются интересы различных социальных групп, если при осмыслении политических и правовых коллизий, где участвуют десятки, а то и сотни противодействующих сил, нельзя сводить дело к одному, пусть даже самому влиятельному вектору. Конечно, чисто теоретически можно пользоваться математическими моделями и выстраивать диаграмму всех векторов, определяя результирующую силу, или укладывать эти интересы в «прокрустово ложе» правовой нормы, хладнокровно отрезать все лишнее. В таких ситуациях прагматического юриста и политика интересует лишь сила, одерживающая победу над другими. Но как сбрасывать со счетов интересы менее влиятельных групп, ведь завтра одна из них может увеличить свою численность и влияние и набрать более мощный потенциал, чем победивший сегодня соперник?! Поэтому юрист должен учитывать все параметры любой ситуации, оценивать ее сразу в нескольких различных аспектах: и как целостное явление, и с точки зрения интересов каждого субъекта коллизии.

Одним из наиболее иррациональных феноменов в основании морали и права является *совесть*. Профессор А. А. Милтс сравнивает ее осмысление с посещением кругов ада, где в «душевной преисподней» происходит борьба

¹² Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб, 1998. С. 219-220.

¹³ Муромцев С. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. 1893. Т. II. С. 10.

¹⁴ см.: Кистяковский Б. А. Философия и социология права. С. 220.

добра со злом и компромисс между ними. Там происходит суд над человеческими поступками, осмысление их, хвала и осуждение. Этот суд вершит могучий судья — совесть, которая есть «зеркало, отражающее, в какой мере в человеческом сознании утвердились доброта, честность, ответственность, в какой мере они затронули чувства, убеждения, мотивы поступков, волю, характер, даже подсознание»¹⁵. Кант уподоблял совесть с другим лицом, находящимся в нас, и ведущим дело расследования наших поступков и проступков. Совесть — это феномен этической рефлексии, самооценки и самокритики, Фрейд называл ее «сверх-я».

Свобода совести — это свобода иметь свои убеждения, ценности, идеалы и другие абсолюты, опираясь на которые человек может оценивать мир, ориентироваться в ценностных отношениях и принимать на этом основании решения, планировать свою жизнь и свободно реализовать свои планы.

Инстинкт самосохранения и самозащиты заставляет человека искать причины собственных неудач и ошибок в ком-либо другом, в объективном стечении обстоятельств. Необходимо исследование своей личной вины, осознание и измерение, чтобы не упасть под ее бременем, не впасть в замешательство и отчаяние, но еще труднее нести не только свою вину, но и чужую. Совесть подвигает человека к покаянию, раскаянию и очищению от вины. Намерение избавиться от вины, не повторять ее — важный шаг к уменьшению тяжести этой ноши.

Совесть может быть разной. У одних людей она очень слаба и ее легко обмануть, успокоить, «загнать в угол». Таких людей называют «толстокожими», ибо они не способны на сочувствие, милосердие, легко преступают через нее, совершая неблагоприятные поступки. Но есть также люди с особенно чуткой совестью, которая захватывает в свое поле не только поступки самого человека, но и состояние мира вокруг него, на которые распространяется моральная ответственность человека. Таких людей называют людьми с «больной совестью», они винят себя в том, что не сумели предотвратить беду и страдание других людей, как об этом хорошо сказано в стихотворении А. Т. Твардовского «Я знаю, никакой моей вины...» Писатель Виль Липатов сформулировал в одноименном романе максимум: «Я отвечаю за все». На самом деле, за все отвечать нельзя, это претензия поставить себя на место бога, это чрезмерная гордыня. Но сама идея понятна и объяснима. Максимилиан Волошин в стихотворении «Неопалимая купина» (1919 г.) говорил о том, что иноземцы, прикоснувшись России, могут заболеть нашими «болезнями». Какими же?

Мы — зараженные совестью: в каждом
Стенке — святой Серафим,
Отданный тем же похмельем и жаждам,
Тою же волей томим.

¹⁵ См.: Милте А. А. Совесть // Этическая мысль. 1990. М., 1990. С. 275.

Мы погибам, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво — горит, не сгорая,
Неопалимая Купина!

Согласно М. Хайдеггеру, совесть есть зов «заботы». «Присутствие (Da-*Sein*) зовет в совести само себя», но в то же время «совесть говорит единственно и неизменно в модусе молчания»¹⁶. Он размышлял о четырех параметрах совести: 1) совесть имеет критическую функцию, 2) совесть проявляется по отношению к намеченному или совершенному поступку, 3) ее «голос» не относится к «бытию присутствия» (Da-*Sein*); 4) основоформы совести: «нечистая» и «чистая», «укоряющая» и «предостерегающая»¹⁷. Чаще всего совесть проявляется как «нечистая», ибо «чистая» совесть — это такое состояние, когда нам не в чем себя упрекнуть. В этом случае она себя не проявляет и молчит.

Субъективное право — это право как возможность (хочу) быть свободным, свободно реализовать свои интересы в определенных установленных пределах, без ущемления свободы других, а объективное право — это реальность (могу) быть свободным, легитимные нормы, подтвержденные законом права человека.

В настоящее время рационально-логический метод, по-прежнему, является ведущим в науке. Он в немалой степени опирается на линейную причинность, для которой характерны: последовательность во времени, соподчиненность в одном пространстве, дискретность, энергетическое и информационное взаимодействие, сопутствующие условия и катализаторы. Если подвергнуть критическому осмыслению привычный стиль и характер мышления современного специалиста, получившего высшее образование в российском вузе, то можно обнаружить следующие черты:

- *дискретность* (современная наука преувеличивает значение анализа, расчленения любого объекта на части для более легкого и последовательного изучения);
- *статичность* (рационально-логический метод плохо помогает понять процесс);
- *одномерность* (монизм, односторонность, сведение к общему знаменателю);
- *стереотипность* (шаблон, алгоритм);
- *последовательность* (элементы целого рассматриваются по очереди);
- *линейная причинность* (всегда стремятся отыскать одну главную причину, непосредственно предшествующую следствию, все прочие отбрасываются, как несущественные);
- *механистичность* (механика, как раздел физики, является образцом, по которому пытаются выстраивать многие технические и естественнонаучные теории);

¹⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 273, 275.

¹⁷ Там же. С. 290.

– *рациональность* (в основу процесса понимания полагается однозначный, рациональный разум);

– *логичность* (непротиворечивость).

И наконец, рационально-логическое, «левополушарное» мышление обладает невысоким потенциалом креативности, оно является аналоговым, способно дать лишь комбинаторную и количественную новизну: 1) взяли кусочек одного, соединили с кусочком другого так, как никто не соединял – получили новое; 2) взяли какой-либо способ, применяющийся в одной сфере и перенесли его в другую сферу, где он раньше не использовался, – получили новый результат. На основании такой методологии предпринимаются попытки создавать новое по аналогии с уже имеющимся. Новизна определяется в сравнении с чем-либо уже известным. При таком подходе инновации будут прирастать в арифметической прогрессии. Этого мало, чтобы обеспечить экспоненциальный рост инновационности, необходимы принципиально иные подходы, опирающиеся на иррациональный потенциал гуманитарного знания.

Нами был предложен следующий подход к различению рационального и иррационального¹⁸, понятный из следующей таблицы:

<i>Рациональное</i>	<i>Иррациональное</i>
Однозначная детерминация	Неоднозначная обусловленность, синхронность
Объективная достоверность, проверяемость	Субъективная достоверность, непроверяемость
Адекватная транслируемость и перевод на другие языки	Неполная транслируемость, перевод с остатком, сотворчество
Дискурсивность, осознаваемость	Неполная осознаваемость, интуитивность
Связано с количественными характеристиками объектов	Связано с качественными характеристиками объектов
Используется для осмысления материально-технической сферы	Используется для осмысления духовно-гуманитарной сферы
Связано с функциями левого полушария головного мозга	Связано с функциями правого полушария головного мозга
Дискретность, прерывность	Континуальность, целостность
Выражает преимущественно пространственные характеристики объекта	Выражает преимущественно временные характеристики объекта

¹⁸ См. подробнее: Пивов В. М., Шредер С. А. Бергсон и проблемы методологии гуманитарного знания. Петропавловск, 2008.

Из сопоставления этих двух методологических программ выявляется понятие разума, включающего в себя взаимодействие рационального и иррационального.

Важнейшие положения методологии иррационализма – это, во-первых, установка на доминирование синтезирующих методов, требование рассматривать любую проблему в сопоставлении различных углов зрения; во-вторых, отказ от монизма, от абсолютизации единства, ибо единство возможно в одном отношении, но полного единства мир не допускает, особенно это противопоказано живой жизни, которая творит разнообразие и неповторимость; в-третьих, иррациональная методология утверждает возможность и необходимость многомерной, многозначной причинной обусловленности; в-четвертых, в основе иррациональности лежит свободная воля, а свобода есть свойство, модус духа, но не материи, модусом последней является прямая и однозначная детерминированность, зависимость.

Разумеется, речь не идет о господстве иррациональности в праве, доминирование рационального подхода должно быть сохранено. Задача заключается в учетывании иррациональной стороны в любой правовой проблеме, поскольку игнорирование ее чревато серьезными ошибками. В праве невозможно использовать математические методы, поскольку право следует отнести к социальным наукам.